

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800019457-8

Семантическое *сфумато*: трансформация античного источника в романе Д. С. Мережковского “Юлиан Отступник”

© 2022 г. В. В. Полонский

Доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
ученый Янцзы (Сычуаньский университет, Китай),
директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
v.polonski@mail.ru

Резюме. Вопреки сложившимся представлениям Мережковский-романист достаточно скрупулезно работает с историческими источниками. Однако подвергает их существенной семантической трансформации. В этом смысле показателен случай с романом “Смерть богов. Юлиан Отступник” (1895). Здесь материал основного источника — книги Аммиана Марцеллина “Римская история” (*Res gestae*) — системно беллетризируется по законам модернистской мифопоэтики. Мережковский может редуцировать персонажа латинского сочинения до одной символической характерной черты либо, напротив, разлагать скупую обозначенную Аммианом черту героя на сложный ряд образно-мотивных производных. Автор, осваивая регистры модернистского письма, прибегает к семантическому преобразению античного источника по типу приема “сфумато” Леонардо да Винчи. В результате нарративной коррекции цитатного слоя протагонист символистского романа предстает не героем-стойком, носителем римского этоса, а пассивно-эстетствующим “мучеником нового религиозного сознания” *fin de siècle*.

Ключевые слова: Мережковский, Аммиан Марцеллин, Юлиан Отступник, цитация, литературный источник, исторический роман, сфумато.

Для цитирования: Полонский В.В. Семантическое *сфумато*: трансформация античного источника в романе Д.С. Мережковского “Юлиан Отступник” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 22–26. DOI: 10.31857/S160578800019457-8

Semantic *Sfumato*: Transformation of an Ancient Source in “Julian the Apostate” by D. S. Merezhkovsky

© 2022 Vadim V. Polonsky

Doct. Sci. (Philol.),
Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences,
Chang Jiang Scholar (Sichuan University, China),
Director of A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia,
Professor of Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road, Dayun New Town,
Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
v.polonski@mail.ru

Abstract. In despite of the prevailing conclusions, Dmitry Merezhkovsky as a novelist works quite scrupulously with historical sources. However, he subjects them to a significant semantic transformation. In this sense, the case with the novel “The Death of the Gods. Julian the Apostate” (1895) is especially representative. Here the material of the main source, “Roman History” (*Res gestae*) by Ammianus Marcellinus, is systematically fictionalized according to the laws of Modernist mythopoetics. Merezhkovsky can reduce a hero of the Latin work to one symbolic peculiar feature, or, on the contrary, decompose a character’s trait sparingly indicated by Ammianus into a complex series of figurative-motif derivatives. The author, mastering the registers of Modernist writing, resorts to the semantic transformation of the ancient source according to the type of “sfumato” technique by Leonardo da Vinci. As a result of the narrative correction of the quotation layer, the protagonist of the Symbolist novel appears not as a Stoic hero, the bearer of the Roman ethos, but as a passively aesthetic “martyr of the new religious consciousness” à la fin de siècle.

Key words: Merezhkovsky, Ammianus Marcellinus, Julian the Apostate, citation, literary source, historical novel.

For citation: Polonsky, V.V. *Semanticheskoe sfumato: transformaciya antichnogo istochnika v romane D.S. Merezhkovskogo “Julian Ostupnik”* [Semantic *Sfumato*: Transformation of an Ancient Source in “Julian the Apostate” by D.S. Merezhkovsky]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 2, pp. 22–26. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800019457-8

Вопрос о том, насколько вольно Мережковский-писатель использует исторические источники, не так прост, как то порой пытаются представить критики его идеологических схем. Педантичная скрупулезность романиста при работе с документами, которая предшествовала каждому литературному сочинению, засвидетельствована прежде всего пространнейшими архивными материалами выписок и конспектов. Но далеко не только этим. О внимании даже к самым незначительным деталям говорит само стремление Мережковского непременно посетить места, связанные с жизнью своих исторических героев. Характерно собственное признание писателя в одной из автобиографических заметок: «Я пытался изучать в оригиналах документы, которыми пользовался по ходу своих разысканий, видеть собственными глазами все исторические памятники, следы прошлого, и края, где разворачивается действие [романов] моей трилогии [“Христос и Антихрист”]»¹. А если по каким-то причинам это не удавалось, в ход пускались иные методы получения максимально достоверных сведений. Показательна, к примеру, его переписка с протоиереем В. Ясинским, от которого литератор желал получить подробный отчет об окрестностях города Тульчина, где должна была развернуться одна из сюжетных линий романа “Александр I”². Не менее красноречивы и настойчивые эпистолярные обращения писателя к М.О. Гершензону

за историю- и библиографическими справками по той же теме, связанной с декабристами и трилогией “Царство Зверя”³.

Мережковский рано завоевал репутацию “короля цитат”⁴. С. Венгеров даже утверждал, что его романы “не вполне художественные произведения, потому что не менее половины [в них] занимают выписки из подлинных документов, дневников и т.д.” [3, с. 172]. Современный исследователь резюмирует: “Одна из характерных черт поэтики Мережковского – широкое привлечение чужого текста, зачастую почти без каких-нибудь изменений” [4, с. 18].

Впрочем, обычно изменения были – и источник радикально преображался.

В этом смысле показателен первый роман писателя – “Смерть богов. Юлиан Отступник”. Прежде всего потому, что круг источников для него был существенно уже, чем для последующих частей трилогии, и основным из них являлось одно сочинение – “Римская история” (*Res gestae*) Аммиана Марцеллина, современника Юлиана и участника его Персидского похода.

Существует любопытное высказывание В.Я. Брюсова в письме от 30 июля 1911 г. к А.И. Малеину: «Перечитывал “Юлиана Отступника” Мережковского, после внимательного изучения Марцеллина я нашел у Мережковского столько анахронизмов и промахов против “эпохи”, что сейчас боюсь буквально за каждое слово»⁵. Ревнивый автор

¹ Оригинал по-французски: “Je tâchais d’étudier dans leurs originaux les documents qui me servaient pour mes recherches et de voir tous les monuments historiques, restes du passé, et les contrées où se passe l’action de ma trilogie” [1, с. 443].

² РО ИРЛИ. Ф. 177, оп. 1, ед. хр. 192.

³ ОР РГБ. Ф. 746, карт. 37, ед. хр. 31.

⁴ Так назвал его в одном из писем 1918 г. Т. Манн [2, S. 234].

⁵ ОР РНБ. Ф. 263, ед.хр. 98, л. 2.

письма, в это время работавший над романом “Алтарь Победы” на близкую тему из истории Древнего Рима, явно лукавил. Детальная сверка текстов “Римской истории” Аммиана и “Юлиана Отступника” заставляет сделать недвусмысленный вывод: в описаниях *фактической* стороны событий (особенно политических перипетий и военных кампаний) Мережковский очень точен и почти полностью верен источнику. Другое дело, что он позволяет себе переосмысливать, корректировать и достаточно вольно развивать психологические характеристики героев и описательно-литературные мотивы автора IV в. И в целом, конечно, Юлиан и некоторые другие важные персонажи романа в результате такой беллетризации по законам модернистской мифопоэтики предстают не носителями героического “римского этоса”, а пассивно-эстетствующими “мучениками нового религиозного сознания” fin de siècle.

Мережковский может редуцировать персонажа до одной символической характерной черты. Так, у Аммиана император Констанций — личность многогранная, совмещающая опасную для других недоверчивость со стоической “умеренностью” и “трезвым образом жизни” [5, с. 250]. У Мережковского он превращается в плоское подозрительное ничтожество, окружившее к тому же себя утонченной роскошью.

Возможна и обратная процедура, когда одна скупко обозначенная Аммианом черта во внешности героя разлагается на составляющие, из которых писатель-модернист извлекает символический потенциал, развиваемый по принципу сложно темперированных семантических производных. Так, о Павле Катене, состоящем при Констанции коварном доносчике, у Аммиана лаконично сказано: “Его гладкое лицо ничего не выражало, но он обладал удивительным умением выискивать тайные пути на погибель людям” [5, с. 14]. Это “невывразительное лицо” у Мережковского разворачивается целым описательным периодом со сквозной портретной семантикой отвратительного двуличия: “Лицо

у Павла было женоподобное, безбородое, нежное; судя по наружности, можно было предположить в нем ангельскую кротость; глаза тусклые, черные, с поволокой; поступь неслышная, с кошачьей прелестью в мягких движениях” [6, с. 113].

Но наиболее показательна процедура семантического преобразования источника при описании предсмертной речи Юлиана, зафиксированной только в “Истории” Аммиана. Мережковский ее значительно сокращает за счет условно-риторических фигур. Русский писатель вычеркивает из слов императора афоризмы, поучения, гностико-неоплатонические размышления. Лапидарное “общее убеждение философов”, на которое ссылается умирающий Отступник, превращается у него в декадентско-неоницшеанское “тихое веселие мудрых”, исповедальный мотив целостности духовного пути (“Мои поступки не дают мне повода раскаиваться в чем-нибудь”) — в антитезу христианского прошлого Юлиана и его языческого настоящего. Юлианов отказ назвать преемника у Аммиана объясняется вполне рациональным желанием “не обойти достойного” и не подвергнуть названного кандидата “крайней опасности”. Мережковского этот слишком приземленно политический ответ удовлетворить не может — и его герой проявляет, по лекалам неорелигиозного мифогенеза, жертвенную пассивность в приятии предначертанного свыше с упованием на грядущее откровение “последней истины”, символически воплощенное в дневном светиле: “— Все равно, — отвечал император. — Судьба решит. Не должно противиться. Пусть галилеяне торжествуют. Мы победим потом, и с нами солнце! Смотрите, вот оно, вот оно!”. Наконец, вся эта технология семантической корректировки исходного источника работает и на уровне композиции. Единый стоический монолог героя в изводе Аммиана у Мережковского разлагается на нервно-ски рваные эпизоды-реплики, перемежающиеся диалогом.

Сравним:

Аммиан Марцеллин “Римская история”	Д.С. Мережковский “Юлиан Отступник”
15. Пока продолжался бой, Юлиан лежал в своей палатке; вокруг него стояли его друзья, глубоко опечаленные и подавленные горем, и он простился с ними такой речью. “Слишком рано, друзья мои, пришло для меня время уйти из жизни, которую я, как честный должник, рад отдать требующей ее назад природе.	— Слушайте, друзья мои, — начал кесарь предсмертную речь; он говорил тихо, но внятно; лицо было спокойное. И Аммиан Марцеллин записывал. — Слушайте, друзья, — мой час пришел, быть может, слишком ранний: но видите, — я радуюсь, как верный должник, возвращая природе жизнь, — и нет в душе

Не горюю я и не скорблю, как можно думать, потому что я проникнут общим убеждением философов, что дух много выше тела, и представляю себе, что всякое отделение лучшего элемента от худшего должно внушать радость, а не скорбь. Я верю и в то, что боги небесные даровали смерть некоторым благочестивым людям, как высшую награду. 16. И мне дан этот дар, — я в этом уверен, — чтобы я не изнемог под бременем страшных затруднений, не унизился и не пал. Я знаю на опыте, что всякое горе сокрушает малодушных, оказываясь бессильным перед человеком твердого духа. 17. Мои поступки не дают мне повода раскаиваться в чем-нибудь, не томит меня воспоминание о каком-либо тяжком преступлении ни в то время, когда меня держали в тени и в забвении, ни когда я принял верховную власть. Эту власть, имеющую родство с небожителями, я сохранил, думается мне, незапятнанной; с полным беспристрастием направлял я гражданские дела, и, лишь тщательно взвесив основания, объявлял войну или отражал ее, хотя удача дела и целесообразность человеческих решений не всегда находятся в соответствии между собой, так как исход предприятий направляют высшие силы. 18. В сознании того, что цель хорошего правления — это выгода и благосостояние подданных, я был, как вы знаете, всегда более склонен к поддержанию мира, не позволял себе в действиях произвола, который является источником порчи отношений и нравов в государстве. Я хожу в радостном сознании того, что где бы ни выставляло меня государство как властный родитель на явные опасности, я стоял недвижимо, привыкнув одолевая бури случайностей. 19. И не стыдно мне будет сознаться, что я давно уже знал, что мне предстоит умереть от железа: таково было открытое мне вещее предсказание. С благодарностью склоняюсь я перед вечным Богом за то, что ухожу из мира не из-за тайных козней, не от жестокой и продолжительной болезни и не смертью осужденного на казнь, но умираю в расцвете моей славы. По справедливому суждению, в равной мере малодушен и труслив тот, кто желает смерти, когда это не подобает, и кто бежит от нее, когда пришел его час. 20. Силы меня покидают, и хватит мне говорить. Из предосторожности я умалчиваю об избрании императора, чтобы по неведению не обойти достойного, или, назвав того, кого я считаю достойным, не подвергнуть его крайней опасности, если кто-то другой, быть может, будет ему предпочтен. Но как честный сын отечества, я желаю, чтобы после меня нашелся хороший правитель” [5, с. 357–358].

моей ни скорби, ни страха; в ней только тихое веселие мудрых, предчувствие вечного отдыха. Я исполнил долг и, вспоминая прошлое, не раскаиваюсь. В те дни, когда, всеми гонимый, ожидал я смерти в пустыне Каппадокии, в Мацеллуме, и потом, на вершине величия, под пурпуром римского кесаря, — сохранил я душу мою незапятнанной, стремясь к высоким целям. Если же не исполнил всего, что хотел, — не забывайте, люди, что делами земными управляют силы рока. — Ныне благословляю Вечного за то, что дал Он мне умереть не от медленной болезни, не от руки палача или злодея, а на поле битвы, в цвете юности, среди недоконченных подвигов...

Расскажите, возлюбленные, врагам и друзьям моим, как умирают эллины, укрепляемые древнею мудростью.

Он умолк. Все опустились на колени. Многие плакали.

— О чем вы, бедные? — спросил Юлиан с улыбкой. Непристойно плакать о том, кто возвращается на родину...

Виктор, утешься!..

Старик хотел ответить, но не мог, закрыл лицо руками и зарыдал еще сильнее.

— Тише, тише, — произнес Юлиан, обращая взор на далекое небо. — Вот оно!..

Облака загорелись. Сумрак в палатке сделался янтарным, теплым. Блеснул первый луч солнца. Умиравший обратил к нему лицо свое.

Тогда префект Востока, Саллюстий Секунд, приблизившись, поцеловал руку Юлиана:

— Блаженный август, кого назначаешь наследником?

— Все равно, — отвечал император. — Судьба решит.

Не должно противиться. Пусть галилеяне торжествуют.

Мы победим — потом, и — с нами солнце! — Смотрите, вот оно, вот оно!..

Слабый трепет пробежал по всему телу его, и с последним усилием поднял он руки, как будто хотел устремиться навстречу солнцу. Черная кровь хлынула из раны; жилы, напрягаясь, выступили на висках и на шее.

— Пить, пить! — прошептал он, задыхаясь.

Виктор поднес к его губам глубокую чашу, золотую, сиявшую, наполненную до краев чистой родниковой водой. Юлиан смотрел на солнце и медленно, жадными глотками пил воду, прозрачную, холодную, как лед.

Потом голова его откинулась. Из полуоткрытых губ вырвался последний вздох, последний шепот:

— Радуйтесь!.. Смерть-солнце... Я — как ты, о, Гелиос!..

Взор его потух. Виктор закрыл ему глаза.

Лицо императора, в сиянии солнца, было похоже на Лицо уснувшего бога [6, с. 290–293].

Как видим, стоик исторического источника обращается хриstopодобным богоискателем. Инверсия семантики, подразумевающая именно такую доминанту образа Отступника, с риторичной вычурностью обслуживала исповедуемую тогда русским писателем идеологию равновеличия “двух Бездн”. Возникает ощущение, что с вязким декадентским нагнетанием подается леонардовский прием сфумато: марцеллиновская суровая воинская палатка на поле брани вдруг теряет строгость очертаний и перетекает под пером Мережковского в декорации то ли Гефсиманского сада, то ли Голгофы на пышной театральной сцене. Наконец, дискурсивную завершенность этой картины с напористыми сакральными коннотациями придает использование библейско-акафистного хайретизма (“Радуйтесь!..”).

Кажется, что отсюда уже совершенно неизбежен путь русского писателя ко второй части трилогии — роману о гении из Винчи: не отмахнешься от ощущения глубинного родства его Юлиана с “Иоанном Крестителем” Леонардо, пугающе двойственным андрогином — “близнецом” “Вакха”. Впрочем, здесь начинается иной исследовательский сюжет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Французский текст автобиографической заметки Д.С. Мережковского, отправленной в Париж З. Васильевой и М.Э. Прозору (публикация В.В. Полонского) // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.). М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 442–444.
2. Mann Th. Briefe. 1889–1936. Frankfurt/Main: Fischer, 1961.
3. Венгеров С. Мережковский Д.С. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

Дополн. том II. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1906.

4. Пономарева Г.М. “В Европу прорубить окно...” // Русская речь. 1991. № 4.
5. Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. М.: АСТ; Ладомир, 2005.
6. Мережковский Д.С. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. М.: Правда, 1990.

REFERENCES

1. *Francuzskij tekst avtobiograficheskoj zametki D.S. Merezhevskogo, otpravlennoj v Parizh Z. Vasiljevoj i M.E. Prozoru (publikacija V.V. Polonskogo)* [The French Text of the Autobiographical Note by D.S. Merezhevsky, Sent to Paris to Z. Vasilyeva and M.E. Prozor (V.V. Polonsky's Publication)]. *Francuzskie i frankoyazychnye rukopisi v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)* [French and French-Language Manuscripts in Russia (18th — early 20th Century)]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, pp. 442–444. (In French, In Russ.)
2. Mann, Th. Briefe. 1889–1936. Frankfurt-am-Main: Fischer, 1961. (In German)
3. Vengerov, S. Merezhevsky D.S. *Enciklopedicheskij slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. Dopoln. tom II* [Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron. Supplementary Volume II]. St. Petersburg, F.A. Brokgauz i I.A. Efron Publ., 1906. (In Russ.)
4. Ponomareva, G.M. “V Evropu prorubit’ okno...” [“To Cut a Window to Europe...”]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 1991. № 4.
5. Ammianus Marcellinus. *Rimskaya istoriya. Per. s lat. Yu.A. Kulakovskogo i A.I. Sonni* [Roman History. Translated from Latin by Yu.A. Kulakovsky and A.I. Sonny]. Moscow, AST, Ladomir Publ., 2005. (In Russ.)
6. Merezhevsky, D.S. *Sobr. soch. v 4-m tt. T.1.* [Collected Works in 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1990. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 января 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 февраля 2022 г.

Статья принята к публикации: 22 февраля 2022 г.

Дата публикации: 30 апреля 2022 г.

Received by Editor on January 12, 2022

Revised on February 20, 2022

Accepted on February 22, 2022

Date of publication: April 30, 2022